

Редьярд Киплинг

В доме Седдху

*Часть сборника
В горной Индии (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

В доме Седдху

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648328

Аннотация

«Дом Седдху у Таксалийских ворот двухэтажный, с четырьмя резными окнами из старого бурого дерева и с плоской кровлей. Его можно узнать по пяти красным отпечаткам руки, расположенным в виде пятёрки бубён на выбеленном известью промежутке между верхними окнами. Бхагван Дасс, лавочник, и человек, говоривший, что зарабатывает свой хлеб резьбой печатей, жили на нижнем этаже с целой оравой женщин, слуг, знакомых и жильцов, снимавших отдельные комнаты...»

Редьярд Киплинг

В доме Седдху

* * *

Дом Седдху у Таксалийских ворот двухэтажный, с четырьмя резными окнами из старого бурого дерева и с плоской кровлей. Его можно узнать по пяти красным отпечаткам руки, расположенным в виде пятёрки бубён на выбеленном известью промежутке между верхними окнами. Бхагван Дасс, лавочник, и человек, говоривший, что зарабатывает свой хлеб резьбой печатей, жили на нижнем этаже с целой оравой женщин, слуг, знакомых и жильцов, снимавших отдельные комнаты.

В верхнем этаже обычно помещались Джану и Азизун с маленьким желтоногим терьером, которого один солдат украл у англичан и подарил Джану. Седдху имел привычку спать на крыше, если только не ночевал на улице. Обычно в холодную погоду он отправлялся в Пешавар к сыну, торговавшему редкостями у Эдуардовых ворот, и спал там под настоящей крышей из грязи.

Седдху – мой приятель, потому что моя рекомендация помогла его родственнику получить место главного рассыльного в одной из крупных фирм. Седдху говорит, что Бог по-

шлёт на днях мне место вице-губернатора. Позволяю себе думать, что его пророчество сбудется.

Он очень-очень стар, совсем сед и почти без зубов, почти выжил из ума и все позабыл, кроме своей привязанности к сыну, живущему в Пешаваре. Джану и Азизун – уроженки Кашмира, местные леди, занимавшиеся старинным, более или менее почётным ремеслом, но Азизун потом вышла замуж за студента-медика из северо-западных провинций и живёт в Барейли, уважаемая всеми.

Бхагван Дасс занимался лихоимством и разными подделками. Он очень богат. Человек же, считавшийся резчиком печатей, уверяет всех, что он очень беден. Теперь вы знаете все, что вам нужно, о четырех главных обитателях дома Седдху. Что же касается меня, то я только хор, выступающий в конце для объяснения положения вещей. Так что, я в счёт не иду.

Седдху не был умен. Самым умным из всех, кроме Джану, был человек, называвший себя резчиком печатей. Бхагван Дасс же только умел лгать. Джану была красива, но это уж её личное дело.

Сын Седдху в Пешаваре заболел плевритом, и старик беспокоился. Резчик же, услышав о тревоге Седдху, сделал из неё предмет наживы для себя, воспользовавшись обстоятельствами. Он запасся в Пешаваре знакомым, который должен был телеграфировать ему ежедневно о здоровье сына Седдху. Вот тут-то и начинается история.

Родственник Седдху сказал мне однажды вечером, что Седдху хочет видеть меня, что он слишком стар и слаб, чтобы прийти самому, и что я навеки окажу почёт дому Седдху, если навещу его хозяина. Я согласился, но, видя, как Седдху хорошо жил в то время, подумал, что он мог бы прислать в этот туманный апрельский вечер что-нибудь и лучше страшно тряской эки, чтобы довести до города будущего вице-губернатора. Экка ехала медленно. Было совершенно темно, когда мы остановились напротив двери в гробницу Ранджит Сингха, близ главных ворот форта. Здесь ждал Седдху, который сказал мне, что уж теперь, точно, за свою снисходительность я получу место губернатора, прежде чем успею поседеть. Потом мы ещё с четверть часа поговорили при свете звёзд о погоде, о состоянии моего здоровья и о жатве пшеницы.

Наконец, Седдху подошёл к главному. Он сказал, что Джану сообщила ему о приказе Сиркара преследовать всякое колдовство из опасения, что колдовство может в один прекрасный день убить императрицу Индии. Я не знал, в каком положении находился закон, но предчувствовал, что должно случиться что-нибудь интересное. Я сказал, что колдовство не только не запрещается, но даже рекомендуется. Им занимаются даже высшие государственные сановники. (Если финансовый государственный отчёт не колдовство, то я уж не знаю, что он такое.) Потом, чтобы ещё больше поощрить старика, я сказал, что если предстоит джаду (гаданье),

то я не имею ничего против, если это только чистое джаду, в противоположность нечистому, убивающему людей. Седдху не сразу признался, что именно затем он и пригласил меня. Потом отрывками и с опаской он сообщил, что человек, называвший себя резчиком печатей, волшебник чистейшей воды; что он ежедневно сообщал Седдху вести о его больном сыне в Пешаваре скорее, чем перелетит искра, а между тем эти вести приходят письмами. Далее, он открыл Седдху, какая большая опасность грозит его сыну, и что она может быть устранена чистым джаду, но что, конечно, это потребует больших расходов. Я начинал соображать, в чем дело, и сказал Седдху, что и я также умею колдовать по-западному и пойду к нему в дом взглянуть, чтобы все было в порядке и как следует. Мы отправились вместе, и дорогой Седдху рассказал мне, что заплатил резчику уже около двухсот рупий, а сегодняшнее джаду будет стоить ещё двести, что, по его словам, – хотя я и не думаю, чтобы он был искренен – дешево, если принять во внимание величину опасности, грозившей его сыну.

Когда мы подъехали, все огни по фасаду дома были погашены. Из мастерской резчика доносились странные звуки, будто у кого-то со стоном душа расставалась с телом. Седдху весь трясся и, когда мы взобрались по лестнице наверх, сказал, что джаду началось. Джану и Азизун встретили нас наверху и сказали, что джаду происходит в их комнатах, потому что там просторнее. Джану – дама свободомыслящая.

Она шепнула мне, что все это – одна выдумка, чтобы выманить деньги у Седдху, и что резчик после смерти отправится в место, где очень жарко; Седдху по своей старости чуть не плакал от страха. Он в полумраке ходил по комнате, твердя имя сына и спрашивая Азизун, не сделает ли резчик скидки ему как домохозяину. Джану толкнула меня в нишу резного окна. Ставни были закрыты, и комната освещалась только маленькой масляной лампочкой. Я мог быть вполне уверен, что меня не увидят, если я буду стоять тихо.

Стоны наверху прекратились, и мы услышали шаги на лестнице. Это был резчик.

Он остановился у двери, когда терьер заворчал.

Азизун загремела цепью, и колдун приказал Седдху погасить лампу. Комната погрузилась в густой мрак, среди которого красным огнём горели только две «хука», которые курили Джану и Азизун. Резчик вошёл, и я услышал, как Седдху упал на пол и застонал. Азизун сдерживала дыхание, а Джану с дрожью откинулась на одну из кроватей. Послышался звон чего-то металлического, и над полом вспыхнуло синевато-зеленое пламя. При слабом свете я увидел Азизун, прижавшуюся к стене в углу комнаты и зажавшую терьера между колен, Джану, всплеснувшую руками и так и оставшуюся на кровати, и, наконец, резчика.

Надеюсь, мне никогда в жизни не придётся увидеть такого человека, как этот резчик. Он был обнажён по пояс; голову его обвивал венок из белого жасмина толщиной в мою руку;

талия была обмотана куском полотна цвета сѐмги, на щиколотках – стальные браслеты. Во всем этом не было ничего странного, но на меня повеяло ужасом от лица этого человека. Во-первых, оно было серовато-синее. Во-вторых, глаза закатились так, что оставались видимы одни только белки, а в-третьих, лицо его было лицом демона, чего хотите, только не лоснящееся, пропитанное жиром лицо старика, сидевшего днём над своим токарным станком внизу. Он лежал на животе, закинув руки на спину, будто связанный. Только голова и ноги не лежали на полу. Они поднимались под прямым углом к телу, как голова кобры, готовящейся к прыжку. Все это представляло ужасный вид.

Посреди комнаты, на голом земляном полу, стоял глубокий медный таз со слабым голубым пламенем, мерцавшим, как блуждающий огонёк. Человек на полу прополз, извиваясь, три раза вокруг таза; как он это сделал, я не знаю. Я видел, как мускулы напрягались у него на спине и как опять опадали, но другого движения я не мог заметить. Голова казалась единственной живой частью его тела, кроме медленно напрягавшихся и расслаблявшихся мускулов; Джану на постели дышала, по крайней мере, семьдесят раз в минуту; Азизун закрыла лицо руками, а старик Седдху, выбирая пальцами грязь, впутавшуюся в его седую бороду, тихо плакал. Центр всего этого ужаса составляло это существо, извивавшееся и ползавшее по земле, только молча ползавшее. И притом, это тянулось целых десять минут, в течение которых

терьер визжал, Азизун и Джану задыхались, а Седдху плакал.

Я чувствовал, что у меня волосы поднимаются дыбом и сердце бьётся, как маятник метронома. К счастью, резчик выдал себя тем из своих фокусов, который должен был произвести наибольшее впечатление, и я сразу успокоился. Окончив своё невыразимое пресмыкание, он поднял, насколько мог, голову над полом и пустил из ноздрей струю пламени. Я знаю, как можно дышать огнём, сам могу устроить это, и поэтому совершенно перестал волноваться. Все это было обманом. Если бы он ограничился своим ползанием, не старался усилить эффект, Бог знает, что бы мне могло прийти в голову. Обе женщины пронзительно закричали при виде пламени, и голова с глухим стуком опустилась на пол подбородком вниз, тело же лежало, как труп, с раскинутыми руками. После этого наступила пауза, продолжавшаяся целых пять минут, и зеленовато-голубое пламя погасло. Джану нагнулась, чтобы поправить один из ножных браслетов, а Азизун отвернулась лицом к стене, прижав к себе терьера. Седдху машинально протянул руку к «хука» Джану, и она ногой подвинула её к нему по полу. Над телом заклинателя на стене появились портреты королевы Виктории и принца Уэльского в рамках из гербовой бумаги. Они смотрели на все происходившее и, на мой взгляд, увеличивали странность всей сцены.

Как раз в ту минуту, когда молчание стало невыносимым, тело перевернулось и покатилося от жаровни к стене, где

осталось лежать животом кверху. Из медного таза донёсся слабый плеск – звук, совершенно похожий на звук, издаваемый рыбой, когда она хватается муху, и зелёный огонь снова вспыхнул.

Я взглянул на таз и увидел барахтающуюся засушенную голову туземного ребёнка с открытыми глазами, разинутым ртом и выбритым черепом.

По своей неожиданности появление головы произвело ещё более сильное впечатление, чем ползание. Мы не успели произнести ни слова, как ребёнок заговорил.

Прочтите рассказ Эдгара По о том, как заговорил умирающий под влиянием внушения, и вы поймёте, хотя бы наполовину, ужас, который испытали мы, услышав голос этой головы.

Каждое слово отделялось от следующего промежутком в секунду или две, и в голосе слышался звук, похожий на звук колокольчика. Голос медленно, тягуче лепетал что-то, будто говоря сам с собой, пока я обливался холодным потом. Но тут мне пришло в голову счастливое решение загадки. Я взглянул на тело, лежавшее у двери, и увидел, как раз в том месте, где впадина шеи сходится с плечами, бывший непрерыванно мускул, который никогда не поднимается при правильном дыхании человека. Все это было точным воспроизведением египетского заклинания, о котором я читал где-то, и голос был ни дать ни взять голос чрево вещателя. Все это время голова ребёнка качалась, наклоняясь к стенкам та-

за и лепеча. Она опять, вереща, говорила Седдху о болезни его сына и о состоянии его самого до этого вечера. Я всегда буду уважать резчика печатей за то, что он так точно придер- живался времени, обозначенного в пешаварской телеграм- ме. Ребёнок продолжал говорить, что за больным ухаживают день и ночь самые лучшие доктора и что он может даже со- всем выздороветь, если плата могучему волшебнику, кото- рому голова в тазу подчинена, будет удвоена.

Вот тут-то произошла ошибка, так сказать, с артистиче- ской точки зрения. Два раза требовать удвоения условлен- ной платы голосом, которым мог говорить Лазарь в гро- бу, – бессмыслица. Джану, женщина с действительно муж- ским умом, поняла это так же быстро, как и я. Я слышал, как она презрительным шёпотом говорила: «Асли нахин. Фа- рейб». В ту же минуту свет в тазу погас, голова же перестала лепетать, и мы услышали, как дверь скрипнула. Джану чирк- нула спичку, зажгла лампу, и мы увидели, что голова, жаров- ня и резчик исчезли. Седдху ломал руки и уверял всех, кто только слушал его, что, если бы даже от того зависело веч- ное спасение, он не был бы в состоянии собрать ещё двести рупий. Азизун в углу была близка к истерике, между тем как Джану, усевшись спокойно на одной из постелей, рассужда- ла о вероятности того, что все это бенау, то есть обман.

Я объяснил, насколько мог, джаду резчика, но её объяс- нения были гораздо проще.

– Колдун, который просит все новых подарков, не насто-

ящий колдун, – пояснила Джану. – Мать говорила мне, что действуют только те приворотные слова, которые говорят тебе любя. Резчик – лгун и дьявол. Я не смею ни сказать, ни сделать ничего, потому что должна Бхагван Дассу за два золотых кольца и тяжёлый браслет. Я получаю заработок через его лавку. Бхагван Дасс – приятель резчика, и он отнял бы у меня хлеб. Резчик колдовал уже десять дней, и каждая ночь стоила Седдху много рупий. Прежде резчик употреблял чёрных кур, лимоны и мантра. Но такого джаду он не показывал нам до сегодняшней ночи. Седдху выбился из сил и выжил из ума. Посудите сами: я надеялась получить от него много рупий после его смерти, а он, видите ли, все швыряет на этого потомка дьявола и ослицы – резчика.

Тут я спросил:

– Но что заставило Седдху впутывать меня в эти дела? Конечно, я могу поговорить с резчиком, и он отступится от своих требований. Все это – ребячество, позор и бессмыслица.

– Седдху – старый ребёнок, – сказала Джану. – Он прожил на крыше свои семьдесят лет и глуп, как молочная коза. Он позвал вас сюда, чтобы удостовериться, что он не нарушает закона Сиркара, соль которого ел много лет тому назад. Он поклоняется праху ног резчика, а этот истребитель коровьего мяса запретил ему навесить его сына. Что знает Седдху о ваших законах или проволоках, по которым бегают искра? А мне приходится смотреть, как его деньги день за днём переходят к этому вралю внизу.

Джану топнула ногой и чуть не заплакала от досады, Седдху верещал в углу под одеялом, а Азизун пыталась вставить чубук в его старый рот.

Ну, теперь дело обстоит так. Я предложил свои услуги, чтобы помочь изобличить резчика в том, что он вымогает деньги под вымышленным предлогом, что запрещается 420-й статьёй индийского уголовного кодекса. Я совершенно беспомощен, я не могу оповестить полицию. Какие свидетели могли бы поддержать моё показание? Джану наотрез отказалась, и Азизун – одна из женщин окрестностей Барейли, носящих покрывала (т. е. замужняя), затерявшаяся в нашей обширной Индии. Я не смею заговорить от имени закона с резчиком, потому что уверен, что не только Седдху не поверит мне, но что этот шаг окончится отравлением Джану, связанной по рукам и ногам своим долгом. Седдху – старый болтун, и при всякой встрече, шамкая, повторяет мою глупую шутку, что Сиркар скорее покровительствует чёрной магии, чем наоборот. Его сын теперь выздоровел, но Седдху находится под влиянием резчика и устраивает всю свою жизнь по советам Резчика. Джану продолжает смотреть, как деньги, которые она надеялась получить после смерти старика, день за днём переходят к резчику, отчего она день ото дня становится сердитее и мрачнее.

Она ничего не говорит, потому что не смеет, но я боюсь, что если не случится чего-нибудь, способного удержать

её, резчик умрёт около середины мая от холеры, вызванной приёмом мышьяка. Таким образом, я окажусь причастным к убийству в доме Седдху.